

Время царя Ивана IV Грозного

Второй период царствования Ивана IV. Внутренняя

деятельность. Действия свои против бояр-княжат царь открыл невиданным поступком. В конце 1564 года он выехал из Москвы, не сказав куда, и остановился за Троице-Сергиевым монастырем, в Александровской слободе (теперь город Александров). Оттуда в начале 1565 года он прислал в Москву грамоту, извещая, что он оставил свое царство из-за боярской измены. Москвичи, отправив к царю посольство с духовенством во главе, просили его не покидать царства. Иван согласился остаться во власти, только с условием, что ему не будут мешать «класть свою опалу» на изменников, а иных и казнить, а ему самому учинить себе «опричнину». Мы уже знаем (§ 36), что в старину опричниною назывался удел, даваемый в особое владение вдовам-княгиням по завещаниям князей, их мужей. Вот такое особое владение устроил себе и царь Иван. Он основал себе новый «двор»: построил новые дворцы (между прочим, в Александровской слободе); подобрал новый штат придворных и прислуги; отобрал себе новую тысячу дворян (подобно тому, как в 1550 году была отобрана тысяча дворян в Москве); наконец, для содержания нового двора взял к себе «в опричнину» несколько городов и волостей, с которых шли ему деньги и запасы. Люди, вошедшие в опричнину, получили в народе ходячее название «опричников»; сам же Иван называл их «дворовыми».

Когда опричнина устроилась, она начала действовать. Цель опричнины состояла в том, чтобы отнять всякую силу и значение у той княжеской аристократии, которая образовалась в Москве из потомства удельных князей и считала себя как бы соправительницей государя. Испытав на себе властолюбие своих бояр, царь Иван счел их «изменниками» и задумал обезвредить все боярство. В своем новом «дворе», куда он не пустил «изменников-бояр», он получил силы и средства для действий против них. Он брал к себе в опричнину один за другим те города и уезды, в которых были старые удельные вотчины бояр-княжат, и применял к ним тот порядок, какой применялся Москвою в завоеванных областях (Новгороде, Пскове, Рязани). Именно из взятых в опричнину уездов выводились вон все подозрительные для Ивана IV люди, обыкновенно потомки удельных князей. Их переселяли на окраины государства, на новые земли, где не было никаких удельных воспоминаний и где эти люди не могли быть опасны. Старые же их земли отбирались «на государя» и шли «в раздачу». Вместо удаленной знати царь селил мелких помещиков-опричников, преданных ему и зависевших только от него. Это дело разорения и изгнания старой знати царь делал до самой своей смерти, в течение почти 20 лет, и забрал в опричнину половину всего государства. Остальная половина оставалась в старом положении, управлялась боярскою думою и называлась «земщиною», или «земскими» (людьми). В 1575 году над земщиною Иван IV поставил было особого «великого князя» в лице подчиненного ему крещеного татарского (Касимовского) царя Семиона Бекбулатовича, но скоро свел его в Тверь.

Опричнина была жестокою мерою, разорившею не только княжат, но и всех тех, кого насильственно переселяли с места на место, у кого отнимали вотчины и хозяйство. Сама по себе опричнина должна была возбудить ненависть гонимых. Но действия опричнины сопровождались еще чрезвычайными зверствами. Царь Иван не только выгонял знать из ее вотчин: он мучил и казнил неприятных ему людей. По царскому велению рубили головы «изменникам» не только десятками, но целыми сотнями. В 1570 году царь подверг разорению целый город, именно

Великий Новгород. Заподозрив новгородцев в какой-то измене, он ходил на них войною, как на настоящих врагов, и губил их без всякого суда в течение нескольких недель. По всему государству опричники проливали кровь, насильничали, грабили и оставались без всякого наказания, так как считалось, что они «выводили измену» из царства. Иван IV, получивший имя «Грозного» за свои казни и зверства, сам доходил до неистовства и необыкновенной распущенности. Кровавые казни сменялись у него пирами, на которых также лилась кровь; пиры сменялись богомольем, в котором бывало и кощунство. В Александровской слободе было устроено что-то вроде монастыря, где опричники были «братиею» и носили черные рясы поверх цветного платья. От смиренного богомолья братия переходила к вину и крови, глумясь над истинным благочестием. Московский митрополит Филипп (из рода бояр Колычевых) не мог мириться с распущенностью нового государева двора, обличал Ивана и опричников и за то был с митрополии сослан в Тверь (в Отрочь монастырь), где в 1570 году был задушен одним из самых жестоких опричников – Малютою Скуратовым-Бельским. Иван расправился и со своим двоюродным братом, князем Владимиром Андреевичем, которого подозревал в умысле против себя еще со своей болезни 1553 года. Князь Владимир Андреевич был умерщвлен без суда, так же, как мать и жена его. Не умеря своей жестокости, Грозный не ограничивал никаких своих вождений. Он предавался всяческому излишествам и порокам.

Цель, которую поставил себе Иван Грозный, устраивая опричнину, была достигнута. Княжеская аристократия была разгромлена и унижена; старые удельные вотчины княжат перешли к государю и были обменены на другие земли. Но опричнина, несомненно, повела к разорению государства, потому что разрушила хозяйственный порядок в центральных московских областях, где сосредоточены были княжата с их удельными вотчинами. При выселении крупных вотчинников с их старых земель оттуда стали уходить и крестьяне, которым невыгодно было оставаться за новыми владельцами, мелкими помещиками, не имевшими никаких земельных льгот. Крестьяне охотно селились на новых хороших землях – или в завоеванном Казанском царстве, куда само правительство звало поселенцев, или же в черноземной плодородной полосе, на юге от Оки, где тогда возникало много новых городов. От этого центральные области к концу царствования Грозного запустели до такой степени, что с них царь не получал уже ни ратных людей, ни податей. У Грозного не стало поэтому войска и средств, что и заставило его бесславно окончить шедшие тогда войны с Литвой и шведами. Таковы были в конце концов результаты опричнины.

Из других дел второй половины царствования Грозного особое значение имели меры для обороны южной границы государства и для заселения так называемого «дикого поля», на юг от Оки. Покорение Казани и Астрахани произвело сильное впечатление на крымских татар и на их верховного повелителя – турецкого султана. Со стороны турок и татар делались приготовления для похода на Астрахань и для набега на самую Москву. В 1571 году крымский хан успел обмануть русских сторожевых воевод и добрался до самой Москвы, которую пограбил и пожег. На следующий год он снова явился, но был разбит (на р. Лопасне) и убежал. Все эти обстоятельства заставили московское правительство подумать о том, как вперед лучше уберечься от татарских нападений. Прежде границею московских владений с юга был берег средней Оки; но во времена Ивана IV уже много русских людей поселилось за Окою, южнее тех крепостей, которые там стояли для обороны границы. Выходя на «украину», или на «дикое поле», русские люди становились там вольными «казаками». Над ними не было никакой власти, кроме их выбранных «атаманов». Они охотились, ловили рыбу,

бились с татарами, которые тоже «казаковали» на диком поле. Иногда русские казаки нападали на татарские города у Азовского и Черного морей и грабили их; а иногда они грабили своих же русских купцов и государевых послов, которые ходили через «поле» в Крым. Московское правительство знало о существовании на «поле» казаков и нередко само нанимало их к себе на службу. В расчете на то, что русского населения на «поле» стало достаточно, Грозный решился занять дикое поле войсками, поставить в наиболее важных местах города, а между городами провести укрепленную границу, через которую татарам нельзя было бы пройти безвестно. В Москве составили особый совет из людей, знающих дело, и выработали общий план действий (1571). По этому плану и начали строить города, выставляя их все южнее и южнее (важнейший из них – Белгород). Между городами стали проводить валы на открытых местах, засеки в лесах; стали строить укрепления на бродах через реки. В разных местах новой границы стали ставить наблюдательные отряды – «сторожи», а вдоль границы стали посылать разъезды – «станции». Для службы в городах, станицах и сторожах людей присылали из Москвы и набирали казаков и местных поселенцев. К концу XVI века все «поле», до верховий рек Ворсклы и Северского Донца, было занято крепостями и вошло в состав Московского государства. Этим приобретением достигалась не только большая безопасность от татар, но и возможность заселить богатые черноземные пространства средней России. Казачество, которое не хотело подчиниться государственной власти, ушло к югу и сосредоточилось на низовьях Дона и Донца, отчего и называло себя «низовым». Мало-помалу оно составило организованную общину («круг») с выборными атаманами во главе.